

УДК 316.353

ББК 60.547.7

M75

В работе представлены результаты проекта
«Созидательные поля межэтнического взаимодействия
и молодежные культурные сцены российских городов»,
выполненного при поддержке Российского научного фонда
(№ 15-18-00078 и № 15-18-00078-П).

Составитель и научный редактор — Е.Л. Омельченко

Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности [Текст] : коллект.
M75 моногр. / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая
школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. —
502, [2] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2128-1 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-
2208-0 (e-book).

Монография подготовлена Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ —
Санкт-Петербург по результатам коллективного проекта «Созидательные поля
межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских го-
родов» (2015–2017 гг.). Исследование проводилось среди молодежи четырех городов
(Казани, Махачкалы, Санкт-Петербурга и Ульяновска) с использованием целого
комплекса методов: опрос студентов, глубинные интервью, фокус-группы, кейсовые
исследования молодежных сообществ (веганов, dark-сцены, рэперов, поисковиков,
волонтеров, женских гламурных сообществ, воркаут-групп, поклонников аниме).
Для анализа переплетения субкультурных, солидарных, сценовых норм и правил
с гендерными, этническими и религиозными режимами, значимыми для той или
иной группы, авторы вводят категорию «молодежных культурных сцен».

Книга будет интересна всем, кто стремится понять современное молодежное куль-
турное разнообразие в разных регионах России

УДК 316.353

ББК 60.547.7

На обложке — фотография В.П. Коршунова

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-2128-1

ISBN 978-5-7598-2128-1 (в обл.)

ISBN 978-5-7598-2208-0 (e-book)

© Авторы, 2020

Содержание

Благодарности.....	5
<i>Елена Омельченко</i>	
Предисловие	6
Раздел 1. Молодежные культурные сцены и межэтническое взаимодействие.	27
<i>Елена Омельченко</i>	
Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды	29
<i>Елена Омельченко, Святослав Поляков</i>	
Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ.....	92
<i>Гюзель Сабирова</i>	
Молодежные культуры как среда актуализации (меж)этнического.	110
<i>Евгения Лукьянова</i>	
Российская молодежь в пространстве исследований этничности и межнациональных отношений (критический обзор российской региональной научной практики)	139
<i>Искэндер Ясавеев</i>	
Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи.....	162
Раздел 2. Солидарности, идентичности и культурные предпочтения российской молодежи.	179
<i>Ольга Елкина</i>	
Векторы солидаризации молодежи: ценностный аспект.	181
<i>Маргарита Кулева, Юлия Субботина</i>	
Культурные предпочтения современной российской молодежи (на примере городов: Санкт-Петербург, Ульяновск, Казань, Махачкала)	198

Раздел 3. От воркаутеров — до витч-хаяуса: этнография культурного разнообразия	227
<i>Евгения Лукьянова, Ольга Елкина</i>	
Волонтерство как пространство молодежного взаимодействия: в поисках и противоречиях развития	229
<i>Юлия Андреева</i>	
«Девочки» на мейнстримной культурной сцене нестоличного города: между «гетто» и «элитой»	282
<i>Анастасия Саблина</i>	
Музыкальная (электронная) dark-сцена Санкт-Петербурга: карнавализация «темноты»	308
<i>Эльвира Ариф</i>	
Молодые горожане в креативных кластерах: вег-сообщество в Санкт-Петербурге	340
<i>Наталья Гончарова</i>	
Социокультурные контексты поискового движения: анализ случая	362
<i>Алина Майборода</i>	
Быть неформалом в Дагестане: повседневная жизнь аниме-фанатов	380
<i>Святослав Поляков</i>	
Молодежная сцена уличного воркаута, Махачкала	400
<i>Дмитрий Омельченко</i>	
Документальное социологическое кино. Репрезентация поля и исследований	421
Заключение, или Что нового мы открыли на городских молодежных сценах современной России	439
Библиография	449
Приложение	483
Сведения об авторах	499

Благодарности

Все публикации данной книги были подготовлены по материалам, собранным в рамках одного проекта — «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов». Мы благодарим Российский научный фонд за оказанную финансовую поддержку, позволившую реализовать наши идеи. Исследование было масштабным по задачам, объемам работы, географии. Изначально мы планировали проект таким образом, чтобы собирать все данные самостоятельно. Наш исследовательский коллектив работал по один-два месяца в Санкт-Петербурге, Казани, Махачкале и Ульяновске. Безусловно, мы бы не справились с этой задачей и книга не увидела бы свет без поддержки и помощи самых разных людей — сотрудников министерств образования и комитетов по делам молодежи, руководителей учебных заведений, преподавателей, лидеров молодежных досуговых структур и других специалистов, от которых зависел доступ в молодежные аудитории. Невозможно здесь перечислить всех, но мы благодарны каждому за внимание и доверие к нашей работе, за выделенное время, потраченные усилия и открытые для нас двери.

И конечно, наибольшую признательность мы хотим выразить всем тем, кто согласился участвовать в нашем исследовании. Эта книга про вас. Очень надеемся, что у нас получилось рассказать такие истории, которые помогут взрослым или родителям лучше понять вас. А еще мы верим, что многообразие молодежной культуры — это важно!

Наша искренняя благодарность — всем сотрудникам Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (ЦМИ), которые морально и интеллектуально поддерживали авторов в процессе работы, оказывали помощь в преодолении самых сложных ситуаций, а также тем, кто решал разные организационные вопросы, помогал собирать данные, форматировать книгу. Отдельное спасибо Лене Чикадзе за внимательную вычитку текстов и терпеливую работу с авторами.

Елена Омельченко

Елена Омельченко

Предисловие

doi:10.17323/978-5-7598-2128-1_6-28

Эта книга явилась результатом проекта, который осуществлялся коллективом ЦМИ в течение трех лет: с 2015 по 2017 г.¹ Но многие представленные в ней теоретические идеи и практические находки непосредственно связаны с 25-летним опытом исследования молодежных культурных практик постсоветской России. Социологические проекты, посвященные различным аспектам молодежной реальности, первоначально разворачивались в рамках исследовательских направлений деятельности Научно-исследовательского центра «Регион»². За первые 15 лет нашей работы было реализовано более 20 ярких и запомнившихся проектов. Сошлюсь лишь на некоторые из них, ставшие знаковыми для формирования особого подхода к пониманию молодежного вопроса в постсоветской России. Если кратко, суть и новизна подхода заключались в продвижении депроплематизирующего взгляда на молодежь, утверждении молодежной субъектности и особом внимании не к дискурсивным производствам молодежи как некоего целого, гомогенного и массового объекта управления и контроля, а к внимательному исследованию молодежной разности сквозь призму повседневных задач и вопросов, решаемых самими юношами и девушками в периоды взросления и обретения статуса «взрослого». Среди тем, над которыми работа-

¹ Проект «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» (проект финансировался Российской научным фондом, № 15-18-00078).

² НИЦ «Регион» как государственное учреждение УлГУ был основан в 1995 г. при поддержке администрации университета и — с самого начала своей истории — при поддержке наших коллег из Центра русских и восточно-европейских исследований (CREES, The Birmingham University), прежде всего Хилари Пилкингтон, профессора социологии (Manchester University), а в тот период — исследователя и, позже, директора этого центра.

ли исследователи, были, например, такие: восприятие образов Запада российской молодежью [Пилкингтон, Омельченко и др., 2004]; особенности возрождения ислама в Дагестане и Татарстане, место и роль молодежи в этих глобальных процессах [*Islam in Post-Soviet Russia*, 2003]; бытовление и нормализация наркопрактик в молодежной среде [Омельченко, 2005]; субкультуры и жизненные стили российской молодежи в контексте региональных различий [Pilkington, Omel'chenko, Garifzianova, 2010]; интерпретации патриотизма, патриотических настроений и процессы детерриториализации [Омельченко, Пилкингтон, 2012]; гендерные и сексуальные режимы молодежных культурных сцен и сообществ [Pro тело..., 2013]; историческая память в семейных историях и поколенческом измерении; доступность высшего образования и многие другие. Разработка новых теоретических подходов и эмпирические результаты проектов стали основой книг и статей, опубликованных как самими сотрудниками центра, так и в соавторстве с британскими коллегами³. Развитие направления молодежных исследований с 2009 г. продолжилось уже в рамках Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. За это время коллекция наших общих исследований пополнилась более чем 50 реализованными проектами, проведенными как в рамках международных консорциумов, так и в рамках развития фундаментальных направлений, поддержанных Научным фондом НИУ ВШЭ⁴.

Проект «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» занимает в этом ряду особое место, и вот почему. Мне кажется, нам удалось реализовать рискованную и достаточно амбициозную идею — посмотреть, как в реальном пространстве молодежной повседневности (бытовой и культурной) совмещаются разные измерения групповых идентичностей: субкультурные, сценовые, стилевые, с одной стороны, этнические и религиозные — с другой. Особой приметой последних десятилетий становится внимание исследователей к этнической и религиозной стороне разных типов социальных, культурных дви-

³ Многие из этих работ будут представлены в данной книге.

⁴ Сайт ЦМИ. URL: <https://spb.hse.ru/soc/youth/>.

жений и сообществ, что напрямую связано с усиливающимися миграционными потоками и новыми формами мобилизаций населения разных стран в направлении как поддержки, так и противостояния этим изменениям. Очевидно, что это находит свое выражение и в молодежной среде, когда в самых разных молодежных культурных сообществах, как субкультурных, так и мейнстримных, в той или иной степени происходит актуализация этнических и религиозных тем, формируются определенные взгляды и типы реагирований на возникающие вопросы. Именно поэтому ключевой исследовательский вопрос проекта был сфокусирован на анализе личных и групповых интерпретаций межэтнических встреч, столкновений, кооперации или противоречий внутри различных молодежных культурных сцен, локализованных в этнически и религиозно разных городских контекстах — Санкт-Петербурге, Казани, Ульяновске, Махачкале, а также реагирований на эти процессы. Актуальность задачи определялась не только недостаточным теоретическим и методологическим вниманием исследователей молодежи к такой комбинации задач, но и реальными изменениями в молодежной среде, особенно в России. С одной стороны, российская молодежь, по сравнению с западными сверстниками, в меньшей степени включена в международную мобильность, с другой — она плотно вовлечена в глобальные молодежные тренды, при этом этнически разнообразная комбинация молодежных групп (школьные классы, университетские аудитории, дворовые и культурные компании) является для нее привычной средой взросления, в том числе и в контексте семейной истории. Последние исследования поколенческих различий показывают существенные изменения в характере восприятия своего окружения у новых молодых когорт, это сказывается преимущественно на большей толерантности в принятии культурных и этнических, физических и ментальных различий, снижении уровня ксено- и гомофобии. При этом, конечно, на формирование особых молодежных солидарностей или культурных молодежных сцен не в меньшей степени (а в конкретной российской ситуации — в значительной степени) влияют государственные дискурсы в отношении молодежи, локальные условия взросления, гендерные, религиозные и этнические режимы нормативности и, конечно, уровень и качество жизни в целом.

Прежде чем перейти к описанию основного содержания книги, остановимся на ключевых вопросах методологии исследования и характеристиках эмпирической базы всего собранного в ходе проекта материала.

Методологические основания проекта

Объектом исследования была молодежь в возрасте 18–22 лет. При сборе данных качественными методами мы позволяли себе включать в исследования — там, где это было целесообразно, — молодых людей старше 22 лет. Но в целом мы ориентировались на студенческую молодежь. Это тот возраст, когда молодежное культурное экспериментирование еще актуально, при этом уже есть достаточный опыт поиска себя, по поводу которого можно порефлексировать. В своем исследовании мы наблюдали за молодежными идентичностями, практиками и сообществами, которые укладываются в понятие «нормальная молодежь». Задача сосредоточиться исключительно на субкультурной молодежи не ставилась — в соответствии с логикой постсубкультурного подхода и концепции молодежных культурных сцен, в контекстах которых молодежные культурные стили легко заимствуются большинством и их производство не ограничивается субкультурными сообществами.

Методология проекта строилась на принципах мультилокальной этнографии и стратегии смешивания методов (*mixed method research*) [Савинская и др., 2016]. Мультилокальный подход предполагает сбор данных в разных географических точках и особенно популярен в миграционных исследованиях. Но не менее эффективно его использование для изучения транслокальных, глобальных феноменов, каковыми являются молодежные культуры. География нашего проекта включала столицы и областные центры четырех регионов России: Казань, Махачкалу, Санкт-Петербург и Ульяновск. Почему были выбраны именно эти города?

Махачкала и Казань представляют два мусульманских региона с разной историей межэтнических контактов. Выбор двух названных городов обусловлен также тем, что коллектив заявляемого проекта в 1998 г. реализовывал в Татарстане и Дагестане масштабный социологический проект, предметом которого было изучение динами-

ки актуализации этничности и религиозных вопросов [Pilkington, Emelyanova, 2003]. Санкт-Петербург — это столичный город, где максимально презентированы молодежные культурные сцены (МКС), которые тесно взаимосвязаны и влияют на периферийные регионы. Кроме того, это многонациональный город с достаточно большой численностью трудовых мигрантов, причем здесь можно найти примеры как позитивного сосуществования, так и конфликтного. Ульяновск — поволжский многонациональный провинциальный город и областной центр региона, который соседствует с Татарстаном и традиционно считается спокойным, но в котором представлены разнообразные молодежные течения. Изучение МКС этих городов позволяет оценить общее и различное в молодежной повседневности разных регионов России, при этом можно будет сопоставить разные мусульманские регионы, а также периферию и центр.

Для сбора данных были использованы следующие методы: экспертный опрос, метод фокус-групп, метод глубинных интервью, анкетный опрос и метод кейсового исследования (case study). Стратегия смешивания методов здесь применялась для решения двух задач. Во-первых, это сбор разносторонней и разноплановой информации, а во-вторых, более информированная и обоснованная разработка инструментария [Morgan, 2007].

Экспертный опрос был необходим для изучения региональных особенностей молодежной культурной политики, а также для того, чтобы выделить самые яркие и успешные региональные молодежные проекты и точки межэтнического и межрелигиозного напряжения. Основная задача экспертных интервью заключалась в анализе мнения представителей властных структур, этнических и религиозных общин об эффективности реализуемых программ в области межкультурного контакта и диалога, в соответствии с этим и был построен гайд интервью. Кроме того, встречи с экспертами позволили нам воспроизвести общую картину, а также изучить экспертный дискурс в отношении молодежи; они оказались важными для установления контактов и ознакомления с проектом и использовались для последующего распространения его результатов. В каждом городе по итогам исследования организовывались презентации для заинтересованных аудиторий.

Фокус-группы с отдельными социально-культурными категориями молодежи были призваны помочь в поисках ответов на следующие вопросы: какие молодежные сцены и культурные практики популярны в данный момент среди молодого поколения; насколько эти пространства социально гомо- или гетерогенны; какие конфликты и какой позитивный опыт отличает эти пространства; каковы практики невключения молодежи разных национальностей или религиозной принадлежности в эти пространства.

Глубинные интервью с молодыми людьми, представителями разных национальностей, проводились для того, чтобы проследить траектории и форматы включения в молодежные пространства и исключения из них, а также изучить индивидуальный опыт переживания ксенофобии или расизма в биографическом контексте.

Глубинные интервью с активистами молодежных культурных сообществ позволили картографировать городские пространства молодежной культурной активности и выявить биографические (семейные) контексты молодых людей; реконструировать логики построения дружеских сетей, солидарных и культурных оснований дружеской компании информанта; векторы выделения «своего» и «чужого»; позитивный и негативный опыт межэтнического и межрелигиозного общения в разных семейных, молодежных, публичных контекстах.

Анкетный опрос среди студентов вузов и средних специальных учебных заведений имел очень конкретные задачи: выявление популярных молодежных культурных сцен, степени включенности опрашиваемых в молодежные культурные активности; описание популярных молодежных трендов и категоризацию молодежи по ценностным основаниям солидарностей; изучение критерия выделения «своих» и «чужих», уровня ксенофобии, характера молодежного культурного потребления. Были сформулированы следующие гипотезы анкетного опроса: 1) этническая нетерпимость/принятие проявляется более жестко при выражении своего отношения к публичным дискурсам и менее жестко в контексте тесного дружеского общения; 2) молодежь, обладающая более высоким культурным капиталом, в том числе и субкультурным, более открыта к диалогу с культурным «другим»; 3) молодежь, включенная в дворовые культуры, настроена более ксе-

нофобно, особенно сильно эти настроения выражены среди юношей; 4) молодежь, вовлеченная в спортивные активности, имеет различные установки в отношении «этнического другого» в зависимости от социально-классовой принадлежности; 5) чем больше вариантов включения в разные молодежные компании, сообщества, т.е. чем больше «кругов» принадлежностей, тем выше шансы «неисключающего» восприятия «другого». И наоборот, если молодой человек входит в более замкнутые компании, эти шансы ниже; 6) существуют региональные различия солидарных профилей: молодежь Казани и Махачкалы имеет более патриархатные установки, а молодежь Ульяновска и Санкт-Петербурга — более националистические.

В исследовании использовалась многоступенчатая система построения выборки. На первом этапе реализовывался пропорциональный отбор численности учащихся в учреждениях высшего и среднего профессионального образования на основе данных статистики Роскомстата за 2014 г. На втором — использовался метод систематического отбора внутри каждой группы. Для этого были взяты официальные перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования, а также профессий и специальностей среднего профессионального образования. Внутри каждого перечня со случайным шагом выбирались укрупненные группы специальностей и направлений, внутри которых таким же систематическим образом с заданным шагом выбирались конкретные специальности/направления. Далее для каждого из них составлялся список вузов, ведущих подготовку в регионе. Если по одной специальности таких вузов было сразу несколько, случайным образом выбирался один, в котором и проводился опрос. По каждой специальности опрашивались студенты одной-двух групп. При этом использовался принцип чередования курсов. В результате в выборку вошли направления как гуманитарной, так и технической подготовки, охватывающие достаточно широкий спектр направлений по перечню Минобрнауки России. Опрос проводился в сентябре — ноябре 2015 г. в Санкт-Петербурге и Ульяновске, в апреле — мае 2016 г. в Махачкале и Казани. В каждом городе согласно выборке было опрошено по 800 человек: 600 студентов вуза и 200 учащихся учреждений среднего профессионального образования.

Кейсовые исследования были центральными и имели своей целью изучение повседневности молодежных культурных сцен; практик и контекстов присутствия и обнаружения «этнического» и «религиозного».

Кейсовое исследование предполагало глубинное погружение исследователя в молодежные активности, в задачи которого входило проведение глубинных интервью с участниками сцены (не менее чем с 20), а также проведение наблюдений (не менее 15) на мероприятиях, тренировках, пространствах активностей на протяжении как минимум одного месяца. Все это время исследователь должен был вести дневник наблюдений, где фиксировались результаты наблюдения и ход работы.

В каждом из городов мы изначально планировали реализовать по два кейса. Общая логика выбора тех или иных молодежных культурных сцен основывалась на трех моментах. Во-первых, каждый кейс должен был отражать и презентировать локальную специфику города, в котором он проводился. Мы поставили задачу выбрать молодежную сцену, которая в должной мере смогла бы представить аутентичность города и опыта проживания в нем. Во-вторых, мы попытались воспроизвести континuum молодежных культурных практик — музыкальных, субкультурных, гражданских, спортивных и т.д. В-третьих, это должны были быть пространства, которые можно классифицировать как зоны этнического или религиозного контакта.

И соответственно в каждом городе были отобраны те кейсы, которые или наиболее характерны для него, или представляют собой значимый для его молодежи феномен. Таким образом, в Санкт-Петербурге объектами исследования стали веганы и музыкальная индастриал-сцена; в Казани — поисковики и рэперы; в Ульяновске — женские гламурные сети и волонтеры; в Махачкале — воркаут и аниме-сообщество.

Веганство является зонтичной категорией, здесь можно встретить молодых людей с разными установками к питанию, но важно, что этот тренд достаточно ярко представлен в Санкт-Петербурге и в той или иной мере представляет хипстерский стиль, который сегодня популярен среди студенческой молодежи. Индастриал-сцену

можно охарактеризовать как пострейв, постпанк, постготику. Это направление, выросшее из субкультурных стилей, сегодня представляет собой популярное андеграундное пространство. Санкт-Петербург является центром молодежных альтернативных субкультур, поэтому важно было включить в выборку подобное сообщество. Выбор рэп-сцены был обусловлен тем, что хип-хоп лидирует в рейтингах популярных музыкальных стилей среди молодежи, рэп-баттлы собирают большие аудитории. Но особенно интересно было посмотреть на рэп-сцену в Казани, где она имеет определенную этническую национальную окраску. Поисковая сцена — это среда тесных межличностных отношений, дружбы молодых людей, объединенных патриотической идеей. Волонтеры были включены в исследование как пример проекта, инициируемого властными структурами и изначально нацеленного на создание пространства межкультурного контакта. Провинциальная женская гламурная сцена, наоборот — неформальная, низовая, не связанная с особыми практиками культурного производства или социальной активности, но крайне популярная. Уличный воркаут интересен как пример молодежного спортивного сообщества, которое сильно интегрировано в городские пространства и для которого наличие «своего места» играет большую роль. И аниме-сцена в Махачкале была выбрана в качестве объекта исследования в силу своей бросающейся в глаза альтернативности к культуре большинства в этом городе.

В рамках проекта было также снято три социологических фильма: «Молодежь Махачкалы. Калейдоскоп», «Казань. Хип-хоп сцена», «Любань». Фильмы стали дополнительным визуальным материалом проекта. Для съемок были выбраны разнообразные МКС: воркаут, БПАН, аниме, хип-хоп, поисковое движение.

Таким образом, была разработана комплексная методика исследования. Конечно, ее можно дорабатывать и совершенствовать, pilotировать в других региональных условиях и на других молодежных площадках. Особое внимание при разработке методики мы уделяли двум моментам. Первый связан с таким вопросом, как фиксация этнического компонента взаимодействий, практик, идентичностей. Проблема в том, что зачастую этническое присутствует имманентно, оно может быть невидимым и неартикулируемым. Второй аспект свя-

зан с тем, что этническая тематика плохо артикулируется молодежью в принципе. Исходя из этих соображений-опасений коллектив проекта уже в ходе работы над ним принял решение несколько трансформировать дизайн качественной части, а именно сократить количество фокус-групп и увеличить число интервью. Вместо четырех фокус-групп с тематическими категориями молодежи и 30 интервью с молодежью было решено провести в Казани и Махачкале по 45 интервью с молодыми людьми, представляющими разные культурные сцены. В целом методология в четырех городах практически не отличалась, за исключением отдельных вопросов и тем, которые были специфичны для отдельных городов, особенно Махачкалы и Казани.

Работа во всех городах осуществлялась поэтапно. Идеальным планом была бы такая последовательность работ: 1) сначала проведение экспертных интервью, отдельных интервью и фокус-групп с целью разведки, формулировки гипотез; 2) затем проведение остальных фокус-групп и интервью; 3) разработка анкеты и окончательная формулировка гипотез с опорой на материал предыдущих этапов; 4) и уже исходя из результатов собранных данных и их анализа, выбор конкретных МКС для кейсовых исследований. Однако, принимая во внимание имеющиеся у нас временные и кадровые ресурсы, пришлось объединить некоторые этапы. Первоначально в каждом регионе проводилось разведывательное исследование, которое включало экспертные интервью и отдельные интервью с молодежными активистами, а иногда и единичные фокус-группы. После анализа этих данных разрабатывался остальной инструментарий. Проведение кейсов по мере возможности отодвигалось на более позднее время, чтобы успеть хотя бы первично обработать уже собранные данные. Полевая работа велась с 2015 по 2017 г.

В общей сложности в рамках проекта был собран следующий эмпирический материал:

- на пилотажном этапе исследования проведено 15 интервью с молодежью разных национальностей в Санкт-Петербурге и Ульяновске; 3 фокус-группы (с экстремалами, дворовой/спортивной молодежью, барной и клубной молодежью) в Санкт-Петербурге;

- 20 экспертных интервью во всех четырех городах (2015–2016 гг.). В экспертом опросе приняли участие представители эт-

нических общин, мусульманского духовенства, комитетов по делам молодежи, руководители культурных проектов в администрации городов, сотрудники Российского Союза Молодежи, руководитель мусульманского фонда, руководитель молодежного театра, директор одной из спортивных школ и другие;

— 8 фокус-групп с молодежью в Санкт-Петербурге и Ульяновске (2015 г.). В Санкт-Петербурге в фокус-группах приняли участие следующие категории респондентов: 1) молодежь, которая идентифицирует себя как русских, но имеет опыт проживания в общежитии с иноэтническими соседями, приехавшими из разных регионов России; 2) иноэтническая молодежь, занимающаяся спортом или танцами; 3) иноэтническая молодежь — активисты гражданского сектора с разным опытом социальной активности (волонтеры в сфере, не связанной с этническостью; волонтеры и активисты в организации, деятельность которой связана с созданием поликультурного поля взаимодействия; стартаперы); 4) хипстеры — обеспеченная городская молодежь, которая интересуется элитарной зарубежной культурой и искусством, модой, альтернативной музыкой. В Ульяновске были проведены фокус-группы: 1) с молодыми активистами, представляющими разные активистские сцены (движение «Боевая классика», футбольные фанаты, автоспорт, студенческий актив, КВН, частное агентство по организации праздников, современные танцы); 2) молодежью, которая идентифицирует себя как русских и проживает в общежитии вместе с иноэтническими студентами; 3) иноэтнической молодежью — спортсменами, занимающимися различным видами спорта; 4) религиозными женщинами, исповедующими ислам; 5) религиозными мужчинами, исповедующими ислам;

— 154 глубинных интервью с молодежью, из них 60 — в Санкт-Петербурге и Ульяновске с молодежью разных национальностей (2015 г.), 49 — в Махачкале с молодыми людьми,ключенными в разные молодежные культурные сцены, и 45 — в Казани. В Махачкале в ходе исследования были проинтервьюированы представители следующих сообществ-сцен: спортивных объединений молодежи; тусовок продвинутой молодежи в антикафе; игровых сообществ; женских клубов; творческих мастерских; танцевальных клубов; автолюбителей; групп молодежного гражданского и студенческого активизма.

Каждое сообщество представляли в выборке два-три информанта. В Казани было проинтервьюировано 45 представителей молодежи, репрезентирующих различные молодежные культурные сцены. Для проведения глубинных интервью в столице Татарстана было решено рекрутить представителей следующих молодежных сцен: «Лиги студентов» (социальные и политические активисты); сцены КВН; сцены интеллектуальных игр («Брейн-клуб»); воркаут-движения; фан-движения; сцены исторической реконструкции и крафт-практик; поискового молодежного движения; сцены БПАН и музыкальной молодежной сцены. Рекрутинг информантов производился несколькими путями: среди участников анкетного опроса; через социальные сети; через преподавателей учебных заведений, а также активистов этнических и религиозных сообществ. В среднем интервью длились по 1,5 часа, интервью были транскрибированы и анонимизированы;

— анкетирование в ссузах и вузах четырех городов; всего собрано 3200 анкет (по 800 анкет в каждом городе) (2015–2016 гг.). Учебные заведения отбирались по разработанной выборке. Анкетирование проводилось в учебных группах без присутствия преподавателей или управленческого персонала учебного заведения. Средняя продолжительность заполнения анкет — от одного часа. Процесс организации анкетного опроса был сопряжен с определенными сложностями, особенно в Санкт-Петербурге, где учебные заведения достаточно часто принимают участие в социологических опросах. Но посредством сопроводительных писем и личных встреч эти проблемы были решены. В Ульяновске особых проблем не возникло. Опрос в каждой студенческой группе проводился двумя анкетерами, которые перед началом работы были тщательно проинструктированы. Заполненные анкеты проверялись на качество заполнения (наличие пропущенных вопросов, игнорирование инструкций по заполнению анкеты, неправильное количество выборов в альтернативных вопросах и т.п.), в итоге было отбраковано 5% собранных анкет. Полученные данные анкет были перенесены в электронные таблицы программы SPSS;

— 8 кейсовых исследований молодежных культурных сцен: аниме-сцены и уличного воркаута в Махачкале, веган-сцены и музыкальной dark-сцены в Санкт-Петербурге, гламурной девичьей ту-

совки «нормальные девочки» и волонтерской сцены в Ульяновске, поисковиков и рэп-сцены в Казани. Сбор данных осуществлялся весной-летом 2017 г. В итоге материалы кейсовых исследований составили восемь исследовательских дневников, в которых отражены результаты 135 включенных и невключенных наблюдений, а также 181 глубинное интервью с молодыми людьми.

Сбор данных осуществлялся коллективом Центра молодежных исследований (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург), т.е. во все четыре города были организованы экспедиции. Кейсовые исследования проводились, как правило, одним лицом. Все собранные данные были анонимизированы. Это важное условие коллективного проекта. Анализ количественных данных проходил с помощью статистического пакета SPSS, для анализа качественных данных использовалась программа NVivo.

Завершая описание методологии проекта, еще раз отмечу, что его важным моментом стал особый набор используемых методов и техник. В каждом из выбранных городов мы начинали с количественного опроса в учебных заведениях (ссузах и университетах), затем переходили к интервьюированию молодежи, вовлеченной в разные формы культурной и гражданской активности, характерные для той или иной локации. Затем, анализируя полученный материал, выбирали в каждом городе два наиболее ярких и адекватных культурной атмосфере кейса — две культурные молодежные сцены, которые становились полем этнографического исследования — включенного наблюдения и глубинных биографических интервью. Ряд кейсов (в частности, в Махачкале и Казани) легли в основу исследовательских фильмов, которые стали завершением полного цикла анализа и презентации молодежных культурных и активистских практик разных российских городов.

Первый раздел книги — «**Молодежные культурные сцены и межэтническое взаимодействие**» — посвящен теоретико-методологическим разработкам ключевых понятий и концепций проекта и соответствующего анализа.

Вводная статья «*Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды*» (автор — Елена Омель-

ченко) посвящена идее проекта и ключевым направлениям исследований молодежного пространства России в постсоветский период. В тексте рассматриваются наиболее яркие события этого времени сквозь призму разнообразия молодежных форм солидаризации и групповых идентичностей, изучению которых были посвящены проекты, реализованные НИЦ «Регион» и ЦМИ НИУ ВШЭ, проводится анализ старых и новых форм концептуализации молодежной социальности, предлагаются авторские интерпретации направлений и эффектов социальных и культурных трансформаций молодежного пространства России в новом тысячелетии.

Вопросам конструирования понятия «молодежная культурная сцена» посвящена следующая статья «*Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ*». Авторы — Елена Омельченко и Святослав Поляков, — отталкиваясь от дискуссии вокруг субкультурного подхода, его критики, осмыслиения истории теоретизации в молодежных исследованиях, обосновывают эвристическую ценность сценового подхода. В статье приводится пример его использования для изучения уличного воркаута в Махачкале через анализ сетевой структуры, стиля и идентичности, места, театральности, аутентичности, легитимности и экономики молодежного сообщества. Преимущество сценового подхода заключается в том, что отдельное внимание здесь уделяется не только материальности места и перформативности, но и той особой контекстуальной чувствительности, которая объединяет участников сцены, а также внутрисценовым DIY-практикам.

Методологические вопросы изучения межэтнических контактов на молодежных культурных сценах рассматриваются в статье Гюзель Сабировой «*Молодежные культуры как среда актуализации (меж)этнического*». Автор анализирует актуальную академическую дискуссию вокруг целого ряда понятий и категорий, используемых как отечественными, так и западными исследователями для объяснения новой реальности взаимодействия и проникновений этнического, религиозного, (суб)культурного, гендерного начал. Г. Сабирова обращает внимание на сложность исследовательского поля, возникающего на пересечении двух тематических плоскостей — молодежных культур и межэтнического восприятия (коммуникации),

которое оказывается многогранным и многоуровневым, охватывающим широкий спектр объектов и концепций. Молодежное культурное пространство, по мнению автора, является как средой, где обнаруживаются/сталкиваются/обсуждаются социальные различия (включая этнические), так и пространством, в котором этническое может быть капиталом, ресурсом, которое активно «воображается» и производится, становится «сырым» материалом для самовыражения или мотором для возникновения нового социального движения. В атмосфере политизации, эссенциализации и инструментализации этнического и религиозного, в условиях кризиса макро- и мезотеоретизирования, социальных технологий управления многообразием актуализируется вопрос: «А каким должно быть социально желаемое, какой должна быть норма гармоничных межэтнических и межрелигиозных отношений, в частности среди молодежи? Как в современных дифференцированных конфликтных обществах мы можем исследовать созидательные и позитивные пространства и практики и говорить о них?». Завершая анализ, автор пишет о том, что повседневные формы коммуникации различий, формирования дружеских, приятельских отношений, конвивиальных культур в пространствах молодежных культурных сцен вполне могут быть объектом исследования в рамках изучения созидательных полей межэтнического взаимодействия.

Работа Евгении Лукьяновой *«Российская молодежь в пространстве исследований этничности и межнациональных отношений (критический обзор российской региональной научной практики)»* посвящена критическому анализу различных подходов к пониманию межкультурного взаимодействия и, в отличие от предыдущей статьи, основана преимущественно на российском материале. Проанализировав значительное количество работ из разных дисциплинарных традиций, автор приходит к выводу, что непосредственно молодежным контекстам и молодежной поседневности в них, как правило, уделяется недостаточное внимание. В основном исследователи концентрируются на вопросах эффективности традиционных институтов социализации (семья, образование, религия) в трансмиссии духовных традиций и культурных образцов. Изучаются аффективные и когнитивные составляющие этничности, которые

фиксируются тестами и анкетами. А повседневные практики, как правило, ограничиваются исследованиями языковой компетентности. Автор рекомендует включить в изучение этническости особые, характерные для молодежных исследований темы (например, потребительские практики молодежи), а также обратиться к субъективным молодежным смыслам производства или нивелирования этнических границ.

В статье Искэндэра Ясавеева «Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи» представлен анализ докладов и программ, в которых затрагивается молодежная проблематика. Автор опирается на конструкционистский подход к изучению публичных риторик и приходит к следующему выводу. Властвная риторика в своем программном обращении к молодежи делает акцент на «традиционных ценностях», способствующих не изменениям, а конформизму и «стабильности», и, кроме того, на патриотизме, понимаемом как готовность защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов (с. 177).

Второй раздел книги — «Солидарности, идентичности и культурные предпочтения российской молодежи» — преимущественно посвящен анализу количественной части проекта — опроса учащейся молодежи в четырех российских городах.

Статья Ольги Елкиной «Векторы солидаризации молодежи: ценностный аспект» сфокусирована на анализе одной из самых значимых частей опроса, посвященной ценностным профилям молодежных компаний. Для описания разнообразия молодежного культурного экспериментирования в рамках исследования использовался количественный инструментарий, который, с одной стороны, позволяет проанализировать распространенность тех или иных солидарных общностей, а с другой — подразумевает известного рода ограничения в рассмотрении возможной вариативности. Пожалуй, самым интересным выводом работы оказывается то, что у сравниваемых сообществ (аниме и футбольные фанаты) получились во многом разные значимые ряды векторов, однако в обоих случаях значимым для ценностного ядра осталась религия. В исследованиях, описывающих многообразие молодежного культурного пространства, часто не учитывается многообразие молодежных сообществ в исламоориентиро-

ванных регионах, что, по мнению автора, упрощает существующую картину городских молодежных пространств в современной России.

Статья Маргариты Кулевой и Юлии Субботиной «*Культурные предпочтения современной российской молодежи (на примере городов: Санкт-Петербург, Ульяновск, Казань, Махачкала)*» посвящена анализу особенностей культурного потребления молодежи четырех российских городов. Авторы стремятся ответить на вопрос о потреблении субкультурно включенной молодежи, объединив таким образом две парадигмы — исследования культурного потребления и (пост) субкультурный подход. В частности, данное исследование сфокусировано на двух вопросах: особенностях культурного потребления молодежи как особой социальной группы; связи включения в (пост) субкультурные группы и потребления «высокой культуры».

Третий раздел книги — «*От воркаутеров до витч-хауса: этнография культурного разнообразия*» — состоит из статей, авторы которых проводили кейсовые исследования в рамках полевых экспедиций в разных городах, используя методы включенного наблюдения, интервью, съемок исследовательских фильмов.

Вопросам особенностей волонтерской среды и взаимодействию формального и неформального включения в добровольчество посвящена статья Евгении Лукьяновой и Ольги Елкиной «*Волонтерство как пространство молодежного взаимодействия: в поисках и противоречиях развития*». Авторы представляют анализ своего кейсового исследования студенческих волонтерских организаций одного ульяновского вуза. Волонтерство является средой адаптации первокурсников, включения в студенческие сети, а также обретения символического капитала.

Статья Юлии Андреевой «*“Девочки” на майнстримной культурной сцене нестоличного города: между “гетто” и “элитой”*» написана по материалам этнографического исследования (включенного онлайн- и офлайн-наблюдения и интервью), сфокусированного на анализе новой девичьей Instagram-культуры. Особенность этого кейса состоит в том, что внимание здесь обращено к так называемой *обычной* молодежи, из числа тех, кто реализует «нормальную» стильную стратегию. Это «молодежное большинство», молодежный майнстрим, являющийся основным молодежным течением, где про-

слеживаются массовые тенденции. В этой среде придерживаются, скорее, традиционных ценностей, доминирующих на данный момент в обществе. Другой значимой особенностью кейса является то, что в фокусе внимания оказывается именно *мейнстримная девичья сцена*. По умолчанию молодежные исследования часто акцентируют внимание на традиционно мужских культурах и субкультурах. Даже если изучаются культуры, молодежные движения, «допускающие» альтернативные типы маскулинистики, в любом случае актуальный нарратив молодежных культур изначально формируется их мужской частью. Женские голоса практически не слышны. Девичьи практики рассматриваются и описываются как малозначимые (девушки в культурах в роли подруг) и, как правило, бесконфликтные. С этой точки зрения важно не только обозначить присутствие женского опыта на молодежных сценах, но и понять особенности складывающихся на них девичьих практик межэтнического взаимодействия.

Статья Анастасии Саблиной «Музыкальная (электронная) *dark-сцена Санкт-Петербурга: карнавализация “темноты”*» посвящена результатам проведенного ею этнографического исследования *dark-сцены* Санкт-Петербурга как постготического пространства молодежных культурных активностей. Автор характеризует *dark-сцену* как крайне гетерогенную, куда входит электронная музыкальная сцена (андеграунд, за исключением витч-хауса), множество музыкальных жанров и их пересечений, начиная от ЕВМ, техно, Aggrotech, дарк-эмбиента и заканчивая индастриал-металом, витч-хаусом и др. Помимо этого, *dark-сцена* оказывается пересекающейся с набором других сцен — косплеем (особенно вселенной Warhammer, готик-лоли и вселенной Гарри Поттера), настольными играми, готик-роком, киберпанком и др. Автор приходит к выводу, что исследуемую сцену характеризуют: гетерогенность, разный демографический состав, распространенные практики, «темная» эстетика, «карнавальность», декларируемая ориентация на гендерное равенство и толерантное отношение к ЛГБТ, практики (вос) производства сцены и телесных опытов в ней. В рамках данного кейса уровень ксенофобных и антимигрантских настроений значительно ниже среднего по Санкт-Петербургу.

В своей статье «*Молодые горожане в креативных кластерах: вег-сообщество в Санкт-Петербурге*» Эльвира Ариф представляет

результаты этнографического исследования вег-кафе, расположенного на территории лофт-проекта в Санкт-Петербурге, вокруг которого формируется молодежное сообщество, состоящее из вегетарианцев, веганов, сыроедов. «Анализ показал, что “своих” на вег-сцене объединяют идея переосмысливания потребления еды и опыт сопротивления дискурсу всеядности. Однако результаты переосмысливания отличаются, образуя разные вег-репертуары» (с. 348).

Наталья Гончарова в статье *«Социокультурные контексты поискового движения: анализ случая»* представляет результаты этнографического кейса, который состоял из глубинных интервью и включенного наблюдения поискового отряда «Снежный десант» Казанского федерального университета (Республика Татарстан). Автор подчеркивает, что сцена поискового движения формирует специфические социокультурные контексты молодежного взаимодействия. Н. Гончарова обращает внимание на то, что ресурсом для конструирования и поддержания групповой идентичности, внутренней солидарности, производства межгрупповых различий является коллективная память. Но при этом делает вывод, что усиление военно-патриотической риторики, интереса к военизированному компоненту в молодежных движениях содержит опасность националистических настроений.

Кроме названных, в книге представлена статья Алины Майборо-ды *«Быть неформалом в Дагестане: повседневная жизнь аниме-фанатов»*, в которой рассматриваются особенности позиционирования аниме-сообщества в Махачкале. На основании анализа данных глубинных интервью и включенных наблюдений автор раскрывает нюансы повседневной жизни участников аниме-сцены — родительско-детских взаимоотношений, а также взаимодействий участников сцены с «другими» сверстниками. «В отличие от некоторых других молодежных сцен (к примеру, рэп-сцены в Казани), участники сообщества практически не используют локальные, этнические или религиозные ресурсы. Напротив, молодые люди конструируют свою идентичность, ориентируясь на глобальные молодежные тренды. Они включаются в российские и зарубежные социальные сети, придерживаются либеральных ценностей, в частности, солидаризируются вокруг идей гендерного равенства, пацифизма, космополитизма.

Уровень мигрантофобных и ксенофобных установок у аниме-фанатов значительно ниже, чем у других молодежных сообществ Махачкалы» (с. 398).

В статье Святослава Полякова «*Молодежная сцена уличного воркаута, Махачкала*» рассматриваются особенности повседневного существования сообщества молодых дагестанских мужчин. Уличный воркаут (street workout) — это любительский вид спорта, который относится к так называемым натуральным (природным), в данном случае городским, форматам и возник как своего рода альтернатива коммерциализированному фитнессу. Воркаут как практика включает выполнение различных упражнений на уличных спортплощадках — на турниках, брусьях, шведских стенках, рукоходах. Основной акцент делается на работу с собственным весом и развитие силы и выносливости. Включенное наблюдение, интервью и беседы с участниками этой сцены, а также участие в общих тренировках помогли автору прийти к нетривиальным выводам, в частности, относительно поддержания и демонстрации «правильной» религиозности. Воркаут-площадка, пишет автор, становится для участников безопасным пространством, в котором они могут свободно обсуждать волнующие их проблемы, в том числе религиозной жизни, находить единомышленников, обмениваться информацией. Сами занятия спортом могут реинтерпретироваться в религиозном ключе — как практика дисциплинирования тела, комплементарная к практикам дисциплинирования души. Тренировочное пространство также может становиться пространством намаза, индивидуального или коллективного.

Статья Дмитрия Омельченко «*Документальное социологическое кино. Репрезентация поля и исследований*» раскрывает тему визуальных репрезентаций в социологических исследованиях. Основываясь на личном опыте многочисленных съемок социологических фильмов, автор рефлексирует на сложные этические темы в такого рода работе: где начинается и заканчивается ответственность автора фильма, каковы бонусы и риски участия в подобном проекте для информантов и др.

Раздел 1

МОЛОДЕЖНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЦЕНЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Елена Омельченко

Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды

doi:10.17323/978-5-7598-2128-1_29-91

По прошествии 25-летнего опыта исследования молодежных культурных практик постсоветской России возникла амбициозная идея — поместить полученные результаты в контекст всего этого периода, чтобы понять, как, в каких направлениях и под влиянием каких факторов происходили трансформации молодежных культурных практик. Шли ли эти изменения вслед глобальным трендам (Европа, Северная Америка, Австралия), получившим широкое документирование в ключевых работах исследователей молодежных культур и практик? Или российский случай является своего рода исключением, выпадающим из «классической» картины? Вместе с изменениями молодежной реальности менялись ее теоретические конструкты и интерпретативные схемы. На смену классическим работам по субкультурному подходу [Hall, Jefferson, 1976] в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века пришли идеи авторов, вдохновленных резкими изменениями культурных молодежных ландшафтов, став своего рода ответом на глубинные изменения в обществах потребления позднего модерна, приведших к возникновению «постмодерных субкультур». Корпус этой академической литературы чрезвычайно велик и красочен, однако сама дискуссия и темы, вокруг которых она разворачивалась, долгое время оставались закрытыми для российского контекста¹ [Bennett, 1999; Bennett, Kahn-Harris, 2004;

¹ Эта закрытость была связана не столько с недоступностью литературы, сколько с отсутствием интереса, который можно объяснить особенностями отечественного опыта социологии молодежи как крайне политизированной и ангажированной дисциплины. Ситуация кардинально меняется начиная с 2005–2007 гг., когда очевидные изменения молодежного пространства России подталкивают исследователей к активному включению в глобальные академические дебаты.

Blackman, 2005; Hesmondhalgh, 2005; Hodkinson, 2004; Moore, 2010; Muggleton, 2000; Pilkington, Omelchenko, Garifzianova, 2010; Polhemus, 1997; Redhead, 1995; Shildrick, MacDonald, 2006; Thornton, 1995]. Включенные в дискуссии ученые позиционируются как «защитники» либо субкультур и субкультурного подхода [Hodkinson, 2004; Moore, 2010; Dedman, 2011], либо альтернативных вариантов — «постсубкультур» [Muggleton, 2000], «неоплемен» или «сцен» [Bennett, 1999; Malbon, 1999; Riley, Griffin, Morey, 2010]². Несмотря на достаточно широкое (зонтичное) имя, в рамках этой волны молодежных исследований были разработаны яркие идеи, давшие начало возрождению интереса к новым формам молодежной социальности.

Среди активно дискутируемых в западной академической литературе подходов к молодежной социальности особое место занимают исследования молодежной транзиции, обращенные к структурным условиям взросления [Hollands, 2002; Pilkington, Omelchenko et al., 2002; Nayak, 2003; MacDonald, Marsh, 2005]. Для понимания российского контекста не менее значимы исследования, обращенные к специфике пространственных локаций, к тому, как территории и режимы реального времени влияют на жизненные траектории и культурные практики молодежи [Shildrick, 2002; Roberts, Pollock, 2009]. Наиболее важно это для исследования маргинальных или периферийных мест, групп и практик [Pilkington, Johnson, 2003; Shildrick, Blackman, MacDonald, 2009]. Очевидная недостаточность как субкультурного, так и постсубкультурных подходов, и прежде всего затянувшаяся в

² Критика субкультурного подхода в первую очередь направлена на идею классового происхождения субкультурных идентичностей и субкультурного выбора как символического сопротивления юношей и девушек классовому происхождению, родительской культуре и в целом доминирующей культуре общества. Классические субкультурные образцы требовали верности стилю и идеологии, цементирующей единство и проявляющейся в телесных перформансах и особом прикide (одежда, прическа, внешний вид, татуировка и проч.). Ключевые идеи постсубкультурных теоретиков сводятся к отстаиванию текучести, временности культурных привязанностей молодежи конца тысячелетия как реакции на существенные трансформации постмодернистских обществ. По их мнению, включение в те или иные субкультурные группы — это случайные и досуговые практики, микс самых разных культурных идентичностей и маркеров, с одной стороны, впитавших в себя популярные поп-имиджи, с другой — их постоянно порождающие.

западной и отечественной (в меньшей степени) академической среде дискуссия вокруг их адекватности современным условиям жизни молодежи, побудили искать новые подходы к анализу меняющейся молодежной социальности. Ученые начинают исследовать поколенческие различия, новые формы гражданского участия и включенности, солидарности, формирующиеся вокруг ценностно-стилевых противостояний на молодежных сценах [Pilkington, Omelchenko, 2013; Omelchenko, Sabirova, 2016].

Попытаемся в самом общем виде рассмотреть, как менялось молодежное пространство в России в течение этих 25 лет, какие теоретические конструкты и с какой целью использовались для концептуализации изменений, какие эмпирические находки оказали наибольшее влияние на кардинальный пересмотр наших подходов и исследовательских практик.

Время идей — время трансформаций³

Идея этой статьи заключается в попытке анализа 25-летнего периода существования (формирования, развития, угасания и расцвета) различных молодежных пространств и групповых идентичностей в России в постсоветское (постперестроечное) время [Омельченко, 2019]. Ключевой интерес связан с осмыслением уникальности российского случая включения молодежи в глобальные культурные тренды, которая определяется не только кардинальными geopolитическими изменениями во всех посткоммунистических странах. Российский случай выделяется рядом значимых черт, о чем со всей очевидностью свидетельствует современная картина молодежного культурного опыта, его миксовый, конфликтный и многогликий характер. 25-летний период социальных трансформаций в той или иной степени зафиксирован в результатах наших проектов, обращенных к разным сто-

³ Сокращенный вариант текста в виде статьи был опубликован в журнале «Мониторинг общественного мнения»: Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3–27. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.

ронам повседневной и субкультурной жизни российской молодежи⁴. Последовательный анализ эмпирических данных, непосредственная включенность в происходящие в российском обществе трансформации, отражающиеся в академических дебатах и медийном пространстве, дают право говорить о значительных, а подчас и кардинальных перегруппировках как внутри отдельных (особых, эксклюзивных) молодежных сообществ и субкультурных групп, так и между ними и мейнстримом, конвенциональной молодежью.

Молодежные активности «нового типа» (в той или иной степени соотносимые с глобальными молодежными формированиями) зарождались и развертывались в контексте непрекращающихся скачкообразных трансформаций, затрагивающих все стороны российской жизни: экономическую, политическую, социальную, культурную. Стремительные изменения в перестроечный период сменялись замедлением и стагнацией. Бум неформальной молодежной активности — новыми пятилетками «молодежного строительства» вместе с публичными манифестациями участников прокремлевских движений (от «Идущих вместе» до «Наших», «Молодой гвардии» и их последователей) и маршами новых русских национал-ориентированных формирований. Стремление равняться на Запад и Европу — просоветским дискурсом «загнивающего Запада как угрозы нравственности». Политики гласности, отказа от цензуры и демократизация СМИ — возвратом к запретам оппозиционных или нелояльных власти культурных инициатив и просоветским практикам идеологических чисток. Молодежные активности «нового типа» практически с

⁴ Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург на протяжении девяти лет осуществляет широкомасштабные международные проекты по молодежной тематике (<https://spb.hse.ru/soc/youth/>), ежегодные проекты по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, с 2015–2017 гг. реализует проект Российского научного фонда «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов». По итогам конкурса 2018 г. Российской научный фонд продлил проект ЦМИ на два года. В 2018–2019 гг. перед нами было поставлено несколько задач: включение в географию проекта еще двух городов — Улан-Удэ и Элисты; вторичный анализ эмпирического материала с целью рассмотрения религиозного аспекта и межконфессионального взаимодействия в контексте изучения молодежных культурных сцен, а также проведение воркшопов и семинаров для распространения результатов проекта.

самого начала, пусть и в разных пропорциях, совмещали в себе идеи и практики молодежного суб(контр)культурного бунта с остатками идей и лозунгов формальных молодежных объединений советского времени. Полного освобождения от родимых пятен советской социальности, несмотря на смену поколений, не произошло до сих пор. Особая роль в скачкообразных перегруппировках молодежных сцен принадлежит влиянию государственных и медиийных дискурсов, с присущими им акцентами, прямыми и опосредованными воспитательными и пропагандистскими практиками продвижения государственной молодежной повестки.

Сложно выхватить траекторию развития молодежных культурных сообществ из общего потока социальных изменений, однако можно сфокусироваться на ключевых агентах, движущих силах и основных сюжетах трансформаций, определить периоды времени, значимые для нашего анализа.

Согласно исследованиям и наблюдениям можно выделить как минимум три этапа переформатирования молодежных культурных сцен за последние 25 лет. Для этого следует учитывать: ключевые события и общественную атмосферу; политическую повестку в отношении молодежи, дискурсы и государственные программы регулирования и контроля молодежной активности; отличительные формы молодежных групп и их имена; ключевые векторы ценностных напряжений; характеристику взаимоотношений *продвинутой* молодежи и мейнстрима. Отмечу, что любая периодизация будет условной, прежние и новые формы молодежной социальности скорее смешаны, чем реально различаются, география культурных молодежных сцен и солидарностей лишь условно может быть соотнесена с четкими временными периодами и помещена в четкие пространственные рамки. Однако есть в молодежном пространстве современной истории России и очевидные перемены; на самых ярких новых чертах я и постараюсь сконцентрировать свое внимание.

Итак, перейду к последовательному анализу выделенных временных периодов.

Первый — с середины 80-х годов прошлого века до начала 2000-х; второй — первое десятилетие XXI в., включая также 2011–2012 гг.; третий — с 2012 г. по настоящее время.

Время стремительных перемен и постоянства неопределенности: с середины 80-х годов прошлого века до начала 2000-х

Кардинальные сдвиги во всех сферах жизни российского общества того времени были связаны с резким поворотом от позднего социалистического режима в стадии затяжного застоя к масштабным преобразованиям выхода страны на путь рыночной экономики. Крайне тяжелая экономическая ситуация, меняющаяся на глазах политическая риторика, медленно отступающая и с трудом сдающая позиции советская повседневность, резкое снижение социального положения и качества жизни одних и повышение этих показателей у других на смену пусть и не абсолютному равенству возможностей — все это вместе формирует атмосферу социальной неопределенности, ценностно-нормативного вакуума и напряженности. Вместе с тем меняющаяся социальная жизнь, стремительные трансформации социальных отношений создают крайне противоречивую картину, когда «ничего нельзя и все можно». Вслед новой повестке М.С. Горбачева и вместе с политическими инновациями «выхода партийных руководителей в народ», а также агрессивным продвижением трезвого образа жизни⁵ в российском обществе начинается эра «перестройки, гласности и ускорения». Важной приметой этого периода было практическое отсутствие реальной молодежной политики и государственного регулирования молодежной активности, что приводило как к позитивным, так и к негативным социальным эффектам. Например, повсеместно закрывались кружки при домах культуры, сворачивалась широкая советская инфраструктура внешкольного образования и организации досуга, сходил на нет институт советского

⁵ Антиалкогольная кампания, инициированная Политбюро КПСС периода 1985–1987 гг., стала одной из самых противоречивых государственных программ периода перестройки. Она началась спустя два месяца после прихода к власти М.С. Горбачева, а потому получила название «горбачевской». В ходе реализации этой программы проходили массовые, административно продвигаемые рекрутинги в «Общество трезвости». Одним из самых трагических последствий кампании стали вырубки виноградных полей во всех южных регионах РФ и республик СССР.

воспитательного патронажа в школах, институтах и университетах. Вместе с тем в это время возрастает общественно-политическая активность «неформальных» объединений молодежи на фоне резкого снижения как репутации, так и численности членов ВЛКСМ. Монополизм ВЛКСМ и полная зависимость от партийного диктата привели к полному отчуждению аппарата от самой молодежи, засилье формально-бюрократического стиля организации — к социальной апатии и исключительно формальной включенности молодежи в заорганизованные мероприятия. Численность ВЛКСМ резко сокращается: с 44 млн (максимальная) до 21,3 млн человек (июль 1991 г.) [Топалов, 1991]. После августовского кризиса в сентябре 1991 г. на чрезвычайном XXII съезде ВЛКСМ организация была распущена, а ее политическая роль была признана исчерпанной.

В связи с отсутствием или по крайней мере ослаблением государственного контроля за молодежью, отчасти и благодаря этому, образовывались низовые политические и культурные инициативы, общественные движения, объединения и союзы как, например, киноклубное и театральное движения, КСП⁶ и др. Зарубежные образовательные фонды «открыли» двери для разнообразных языковых стажировок в Европе и США, через которые прошли тысячи представителей не только столичной, но и провинциальной молодежи⁷. В столичных городах и мегаполисах России этого периода наблю-

⁶ Федерация киноклубов России (ФКК России) учреждена 30 ноября 1991 г. В рамках движения проводятся кинофестивали документального и авторского кино; по разным городам, включенным в сеть, по инициативе культурных центров посольств и консульств европейских стран проходят показы фильмов, созданных самыми знаменитыми режиссерами XX в., — призеров престижных международных и европейских кинофестивалей. Движение КСП (клуб самодеятельной песни) зародилось в конце 1950-х (первый песенный фестиваль, организованный студентами МЭИ в 1959 г., позже подвергался определенным контролльным и даже репрессивным мерам), в 1986 г. произошла легализация КСП, а Грушинский фестиваль (под Самарой) становится самым известным местом встречи не только бардовской молодежи и самых ярких ее звезд того времени, но и других неформалов.

⁷ Часть из этих фондов была связана с новыми религиозными движениями, однако и эти каналы в большинстве своем использовались для свободных поездок и обучения/совершенствования английского языка.

дается настоящий субкультурный бум, что стимулировало как отечественных, так и западных ученых обратиться к исследованиям молодежных различий. Медленное и болезненное формирование рыночных отношений вместе с усложнением структуры неравенств, снижением доступности значимых, еще недавно «общих», ресурсов и благ (образование, рынок труда, здравоохранение, досуг) легитимировало тему социального и классового неравенства и происхождения. Говорить и писать о субкультурах стало не только можно, но и модно. Различия молодежной социальности постепенно начинают отвоевывать пространство в отечественных академических дискуссиях. Молодежный вопрос пусть и не сразу, но начинает деполитизироваться и деидеологизироваться, что открывает путь свежим подходам и новым темам вне разговора исключительно о «духовных ценностях, политической грамотности и моральной устойчивости».

С середины 1980-х годов понятие «субкультура» начинает осмысливаться отечественными учеными в отношении советского общества [Матвеева, 1987; Орлова, 1987], а первые эмпирические исследования советских молодежных субкультур относятся уже к концу эпохи перестройки. Распространившиеся на ее волне молодежные группы называли неформальными, их анализировали с помощью механического разделения на «позитивные», «нейтральные» и «негативные» (за перестройку или против нее). Это понятие использовали и сами участники молодежной сцены, хотя распад и радикальные реформы государственной сферы лишили неформальную идентичность первоначального смысла⁸.

Поиск свободных от политических коннотаций терминов привел ученых к понятию *тусовки*⁹ (понятие использовалось и самой

⁸ Термин «неформалы» перестал ассоциироваться с оппозицией формальным молодежным организациям, но был реанимирован в конце 1990-х молодежными тусовками: его использовали для характеристики всех альтернативщиков, продвинутых, субкультурщиков.

⁹ Тусовки стали заметным явлением в конце 1980-х годов в центральных частях российских городов. Первоначальный смысл — аутентичная культурная молодежная группа/компания, ядром групповой идентичности которой являлся стиль: субкультурная стилистика или более широкий стиль, альтернативный мейнстримному (в музыке, кино, литературе). Тусовки отличались локализаци-

молодежью), которая рассматривалась как молчаливое игнорирование государственной власти путем создания альтернативных социальных пространств, помогавших преодолеть отчуждение между молодежью и обществом, возникшее в результате социального перелома. В недрах тусовок развивается эстетика *стеба*, породившая «циничные провокации» и перформансы — изюминку разговора новых молодежных журналов середины — конца 1990-х со своими аудиториями [Omelchenko, 1999]. Отдельные виды субкультурных и неформальных активностей существовали и до перестройки (например, стиляги 1960-х годов, хиппи 1970-х, движение КСП), но именно конец 80-х и начало 90-х годов прошлого века отмечены настоящим бумом неформальной активности [Семенова, 1988; Топалов, 1988; Пилкингтон, 1992; Pilkington, 1994; Омельченко, 2004a]. Российская молодежь начала осваивать культурные молодежные сцены, используя разные стратегии включения, как классического типа — имиджи и практики «чистых», хотя и адаптированных к локальной специфике, субкультурных образцов, так и миксовые культурные формы. В конце 1990-х годов появились первые социологические публикации о российских молодежных «субкультурах» [Исламшина, 1997; Костюшев, 1999; Омельченко, 2000б; Pilkington, 1994; Щепанская, 1993], где субкультурная идентичность представлялась в терминах выбора жизненного стиля, а не классовой принадлежности/происхождения, что было характерно для западного дискурса.

Дальнейшее описание развития культурных молодежных практик этого периода будет в основном построено на результатах совместного проекта «Глядя на Запад: принятие и сопротивление образом Запада провинциальной российской молодежью»¹⁰, в котором

ей и коллективной замкнутостью на «свой круг». Члены тусовки необязательно происходили из привилегированных социальных слоев, но их претензии на пространство в центре свидетельствовали об ориентации на восходящую мобильность и об открытости внешнему миру, а также о нежелании участвовать в «разборках» территориальных группировок городских окраин.

¹⁰ Исследование проводилось в 1997–2000 гг. в Ульяновске, Самаре и Москве. Руководители: Хилари Пилкингтон и Елена Омельченко (при поддержке фонда «Leverhulme Trust», Великобритания). По результатам проекта опубликована книга «Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures» [Pilk-

были зафиксированы самые яркие приметы того времени. Проведенный анализ российских субкультурных идентичностей показал, что их разнообразные презентации с трудом помещаются в рамки отдельных, замкнутых стилей. Самым важным маркером, с помощью которого сами молодые люди определяли свою культурную ориентацию, было отнесение себя к *продвинутой* (иногда — прогрессивной, альтернативной) или *нормальной* (обычной) молодежи. Эта само-идентификация начинает нами использоваться для характеристики двух основных культурных стратегий, типичных для молодежи конца 1990-х. В отличие от субкультуры в понятии «стратегия» подчеркивается подвижный характер культурной идентичности, позволяющей использовать разный культурный материал (музыку, стиль, пространство, практики) для конструирования индивидуальных и групповых различий и подтверждения значимого статуса. Здесь субкультурная стилистика становится одним из возможных ресурсов наравне с претензиями на территорию, ориентацией на будущее, мобильностью.

Продвинутые и нормальные на городских молодежных сценах: Москва, Самара, Ульяновск

В ходе реализации проекта «Глядя на Запад...» проводилась серия этнографических наблюдений в молодежных культурных и досуговых пространствах Ульяновска, Самары и Москвы. Во всех городах того периода открываются клубы, появляются свои аудитории с особыми музыкальными вкусами, формируются устойчивые группы клубников, посвященных в разделляемые участниками контексты. Такие места становятся частью городских культурных инфраструктур и туристических маршрутов.

В Ульяновске это была единая центральная тусовка с едва наметившимся стilevым разделением на хиппи, панков, фанатов хеви-метал и рок-музыкантов, сохранивших коллективную идентичность

ington, Omelchenko et al., 2002] и ее русский перевод «Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры» [Пилкингтон, Омельченко и др., 2004].

неформалов¹¹; традиционно основные места встреч — площадь Ленина, у памятника Карлу Марксу (тусовка «У Карла») и теннисные корты. Группы с идеологическими контекстами — скинхеды, панки и анархисты — были маргинальны и малочисленны. С неформалами пересекались *романтики* и игровая тусовка [Исламшина, 1997]¹². Размытость субкультурных границ являлась не результатом осознанного выбора в пользу культурного разнообразия, а формой защиты от традиционного культурного врага — *гопников*¹³.

Самарские тусовки отличались друг от друга по музыкальным вкусам и предпочтениям. По отношению к року и электронной дэнс-музыке образовалось три полюса: неформалы, танцевальная или клубная сцена и *антинеформалы*. Организующим центром самарских романтиков был Грушинский клуб¹⁴.

В Москве самое большое влияние на формирование альтернативных идентичностей оказал клубный бум конца 1990-х. Московские клубы отвечали самым разнообразным музыкальным вкусам и весьма разнились по ценам. Музыка представляла собой *микс* прогрессивного звука с общедоступным, в зависимости от аудиторий. Были

¹¹ Напомню, что исследование проводилось в конце 90-х годов прошлого века; в настоящее время культурные сцены городов, в том числе и Ульяновска, изменились, но общие черты субкультурного «коктейля» бытуют до сих пор.

¹² Термин «романтики» использовался исследователями для обозначения различных групп молодых людей, интересующихся историей, духовными и религиозными аспектами жизни, народными традициями, фольклором и природой: каэспэшники, поисковики и туристы. Игровики были представлены толкиенистами, индеанистами, а также движением «Рысь».

¹³ Гопники — это коллективный образ; для их обозначения употреблялись собирательные имена (гопота), формы множественного числа (гопы, уличные, быки); подчеркивалась их некультурность, «деревенскость». Считалось, что они ходят на дискотеки в дешевых спортивных костюмах, что они агрессивны, не воспитаны и нетolerантны [Омельченко, 2004б].

¹⁴ Благодаря Грушинскому фестивалю бардовская песня оказалась самой яркой приметой Самарской молодежной сцены 1990-х, в основном утраченной к середине первого десятилетия 2000-х. «Груша» стала туристической достопримечательностью, местом общей тусовки, где собирались уже не только каэспэшники. Фестиваль потерял свою аутентичность. Среди многотысячной аудитории были и кришнайты, и «новые русские», а среди выступлений появилось много обычной «попсы», из-за чего иные туристы так и не успевали послушать бардов.

клубы, где играли «по-мейнстрировски» *продвинутый хаус*, смешанный с *попом* («Утопия», «Метелица»)¹⁵, были дизайнерские и трендовые клубы («Титаник», «Мастер») и менее известные, но с «настоящей» *продвинутой музыкой* («Плазма», «Луч», «Лес»). Московские клубы включали альтернативные сцены: тусовки геев, «бывших» российских/советских граждан и любимые туристические клубы для иностранцев¹⁶.

В отличие от западных, российские клаберы говорили не о растворении и «слиянии с толпой», «интенсивности чувственных контактов» (что характерно для исследовательских текстов в постсубкультурном жанре), а о комфорте и домашнем уюте; клуб был для них «вторым домом», территорией, где люди и место сливаются в живой и непосредственной коммуникации, способствующей личностному прогрессу и развитию [Yurchak, 1999]. В этом явно выражалось празднование свободы, когда *субкультурищики* и их ключевые герои получили легитимное право на выбор «своих»: открытое общение со своими на своем языке, в своем пространстве, занятом своими.

Во всех трех городах *продвинутые* составляли на молодежных сценах меньшинство. Большинство молодежи «зависало» по квартирам, во дворе дома или школы, слушало музыку, участвовало в спортивных, музыкальных и других мероприятиях. Они называли себя *нормальной*, или *обычной*, молодежью, что не означало отсутствия у них активности в сфере культуры. Их главным отличием от *продвинутых* была неопределенность музыкальной и стилевой идентичности, они не были *субкультурищиками*, но и не все являлись гопниками. *Антинеформалы-гопники* считали себя выразителями «морального большинства», их агрессивность по отношению к неформалам была способом поддержания локального порядка. На момент проведения исследования гопники знали два вида культур-

¹⁵ Билеты в эти клубы были достаточно дорогими, публика состояла как из обеспеченной *продвинутой* молодежи, так и из новых русских, поэтому музыка сочетала в себе элементы попсы и «общедоступного» *хауса*.

¹⁶ Гей-сцена располагалась в клубах «Шанс», «Хамелеон», «Империя кино» и «Луч», а сцена «бывших» — в дорогом клубе «Манхэттен-экспресс»; иностранцев, в зависимости от контингента, знакомые водили либо в скандально известную «Голодную утку», либо в интеллигентный «Кризис жанра».

ной практики: они «были друг друга» и «наезжали на неформалов», последнее отмечалось преимущественно в Ульяновске. Некоторые из них включились в доступные формы популярной молодежной культуры (*рейв*¹⁷), часть ушла в организованную преступность. Развитие рыночных отношений освободило пространство «черного рынка», и в этой полулегальной экономической нише гопники выросли в новые фигуры на молодежной культурной сцене: в *братков* и членов *бригад*¹⁸.

Среди *нормальных* выделялась и еще одна группа — *новые русские*, которые вызывали неприязнь у *продвинутых* не столько своим богатством, сколько демонстративным купечеством. Несмотря на взаимную неприязнь, реальных конфликтов между ними не было — их культурные пространства почти не пересекались.

Защита территории у антинеформалов-гопников была ключевым элементом групповой идентичности, однако существовали ритуальные битвы и внутри *продвинутых* (субкультурных) групп. Так, агрессия *рэперов* была направлена на *скинхедов* и *рейверов*. Движение скинов напрямую ассоциировалось у рэперов с фашизмом и расизмом, считалось антирусским, близость рэперов к афроамериканской культуре хип-хопа придавало конфликту особый смысл.

Против *рейверов* рэперы вели не идеологическую, а территориальную войну, известны случаи агрессивного «мужского» позиционирования рэперов на улице, что было нехарактерно для большинства *продвинутой* молодежи, но типично для гопников. Среди *продвинутых* культурных форм рэп занимал место в ряду музыкальных и танцевальных движений, укорененных в хип-хоп-культуре уличных танцев, характерной для нью-йоркской сцены 1970-х годов. Эта культура улицы привлекала молодых россиян, выросших на городских окраинах, с их территориальными традициями и гопническими стратегиями: рэп соединял в себе стратегию локальности,

¹⁷ Рейверами тусовочная молодежь называла неопределенную общность *обычной* молодежи, которая слушала и танцевала под электронную музыку и не входила в *продвинутую* клубную сцену.

¹⁸ Бригадами называла себя часть бывших группировок, чьи активности потеряли субкультурную аутентичность (защита своей территории): эти группировки переключились на контроль автозаправок, рынков, ресторанов и др.

близость к улице, «крутую» маскулинность и интерес к «альтернативной» музыке и стилю [Пилкингтон, Омельченко и др., 2004].

То, что рэперы и рейверы располагались между *нормальной* и *продвинутой* стратегиями, говорило о проницаемости границы между последними. Молодежь могла присваивать культурные формы как средство для перехода от одной стратегии к другой, но отделение *продвинутой* молодежи от *нормальной* было важным моментом индивидуально-групповой идентичности для всех, символическая борьба между ними шла за культурные сцены (клубы, дискотеки, кафе) через музыку, атмосферу.

Продвинутые сохраняли традиции тусовок в их субкультурном смысле, стремились к индивидуализации стиля, а не следованию моде, использовали доступный им опыт и продукты западной культуры для выхода во внешний мир и личностного роста. Их стремление к «центру» было побегом от локальных сообществ и провинциализма, они отвоевывали клубы, кафе и бары, а не улицы, парки и станции метро — места тусовщиков позднесоветского периода.

Нормальная стратегия частично строилась на отвержении тусовочной практики, враждебном отношении к выделению по внешнему виду, к стиранию традиционных гендерных маркеров (например, стилю унисекс). Музыкальные вкусы этой молодежи сводились к русской попсе или «шансону», музыка использовалась не как культурный капитал, а как фон для проведения вечеринок, «зависания» со сверстниками. Чаще всего их объединяли стабильные компании, состоящие из тех, с кем учились, проживали в одном доме или дворе. Наибольшую значимость для них имели групповые нормы, а не на личностный выбор в употреблении наркотиков и алкоголя [Омельченко, 2005]. *Нормальная* молодежь ориентировалась на локальные территории, которые она контролировала, а не на центр, куда они ходили «гулять».

Рождение молодежного потребителя и образ Запада

Формирование российского молодежного потребителя значимо отличалось в стилевом формате от западного. Если там субкультурные идентичности использовали расширяющуюся индустрию потреб-

ления в качестве основного ресурса культурной мобильности, то в постсоветское время (так же как и в СССР) молодежь отвоевывала право потреблять у идеологии «потребительства как бездуховности» и стереотипа «тлетворного влияния Запада», доставшихся от советской эпохи. Исследование показало, что подражание Западу как единственному значимому «другому» уже не было свойственно российской молодежной культурной практике: Запад перестал быть лучшим. Рост прямых контактов с представителями и культурными продуктами Запада, их восприятие в качестве «навязанного», а не «запретного плода» привели к изменению позиций по отношению к этому «другому». Альтернативная молодежь, переопределяя аутентичность российской культурной практики, отделяла себя от нормального молодежного большинства, которое обвиняла в подражании и даже «копировании Запада», все чаще отождествляемого с производством коммерческой, а потому ненастоящей культуры. Продвинутые ориентировались на внешний мир, стремились к новым возможностям. Запад служил источником информации и ориентиром на глобальном горизонте, но именно они оказались наиболее критичны в отношении его.

Горизонты *нормальной* молодежи замыкались на ее непосредственном окружении, ее культурной стратегией было поддержание локальных связей, но она по-своему включалась и в «глобальное» потребление. Культурные стратегии *продвинутой* и *нормальной* молодежи отражали социальную дифференциацию в доступе к «глобальному» и способах участия в нем. Например, почти вся молодежь слушала и российскую, и западную музыку, но западная считалась «музыкой для тела» (сопровождением для танца или фоном для занятия чем-нибудь еще), в то время как российская (рок, авторская песня и даже поп) — «музыкой для души» [Pilkington, Omelchenko et al., 2002].

Проект, посвященный образам Запада, был своего рода ответом на моральную панику по поводу американизации сознания российской молодежи. Среди примет новой молодежной «болезни» назывались: растущее увлечение американскими и европейскими культурными продуктами; расширяющееся пространство субкультурных молодежных сцен, которые виделись кальками западных образцов;

потоки образовательной миграции, рост карьерных притязаний. Особую тревогу вызывали расширение зоны молодежной наркотизации и либерализация молодежной (и подростковой) сексуальности, что также связывали с западным влиянием. Панический дискурс поддерживался идеями нравственного разложения и деградации новых поколений; в академических кругах самой популярной темой стал конструкт молодежи как основного фактора риска и даже угрозы национальной безопасности [Чупров, Зубок, Уильямс, 2001].

Реализуя проект, мы стремились понять, какие повседневные практики сопровождают реальную или мифическую вовлеченность молодежи, существует ли «слепое» следование *западным образцам* и что это за образцы. И главное, как в связи с этим формируется образ России.

Во-первых, Запада как целого в восприятии молодежи не существовало. Основными каналами передачи знания были личное знакомство с другими странами (учеба, туризм, родственные связи, поездки друзей), кино и видео, журналы, телевидение и слухи. Наиболее критичными к Западу (в его разных лицах) были самые вовлеченные, менее критичными, а значит, и более восторженными — те, кто строил образы Запада по фильмам, слухам и красочным поп-героям. Во-вторых, Запад географически мог располагаться как исключительно в Северной Америке или Старой Европе, так и в Японии. Он мог быть «страной» настоящего кино (это США) или настоящей музыки (Великобритания), а мог быть и родиной порнофильмов (Германия). Его адрес и размеры менялись в зависимости от личного опыта общения, уровня образования, доступа к информации. В-третьих, мы обнаружили, что во всех трех городах, где осуществлялся проект, молодежные культурные сцены отличала общая тенденция: важность самоопределения в отношении *продвинутых и нормальных* и отнесения себя/своей компании к тем или другим.

И наконец, вместо образа привлекательного и манящего Запада мы обнаружили рост *стихийного патриотизма*, своего рода любви к России или тоски по ней, даже обиды, что молодость проходит в стране, «где все не так». В качестве защитной системы формируется по-своему привлекательный *образ России* — как зеркальное отражение того, что признавалось негативными чертами Запада: инфор-

манты описывали западный образ жизни, образование, культурный уровень, личные коммуникации как лишенные самых важных для *российского человека* качеств душевности, искренности, теплоты и открытости.

Ключевые перемены культурного молодежного пространства

Вместе с изменениями субкультурных ландшафтов городов меняется и общее культурное состояние молодежного пространства. Остановлюсь кратко на особенностях развития музыкальных сцен в этот период, ставший своего рода колыбелью «русского рока».

Существует достаточно обширный корпус как отечественной, так и зарубежной литературы в академическом и популярном формате, посвященный этому периоду развития российского андеграунда [Волков, Гурьев, 2017].

Отмечу некоторые черты этого уникального феномена¹⁹. Отечественный рок представлял собой относительно автономное явление: музыкально — как особый звуковой и сценический формат — российские группы не были «роком», что помешало им полностью включиться в глобальное направление. Мелодико-гармонически это было своего рода сочетание бардовской песни, попсы, а также музыкальных интонаций и созвучий, характерных для западного рока, однако тексты песен отличались типичными для рок-андеграунда протестностью и символизмом. Влияние западных образцов рок-музыки и звездных форматов попсы было отчетливо заметно на всех развивающихся музыкальных сценах того периода, с некоторым опозданием и очевидным упрощением их яркие образы воспроизводились в

¹⁹ Период 1980-х годов — время появления и бурного развития не только групп в жанре популярной музыки («Земляне», «НА-НА», «Кар-мен», «Ласковый май»), но и так называемых рок-групп (ДДТ, «Альянс», «Моральный кодекс», «Парк Горького», «Аквариум», «Наутилус-Помпилиус»). Мировой тренд на условный рок существует до середины 1990-х. Важной приметой развития музыкальных сцен того времени становится сильное влияние рок-сцены на популярную музыку (попсу), которая заимствует все свои ключевые «фишки» из рок-культуры 1980-х.

российском контексте²⁰. В конце 1990-х — начале 2000-х появляются отечественные рэперы, которые стараются адаптировать проблемы американского «черного рэпа», их аудиториями становятся поколения постсоветских школьников. Формирующееся в этом пространстве противостояние рэперов и металлистов было не столько музыкальным, сколько стилевым. Значение имели одежда, знание истории той или иной группы или направления, внешний вид. В стилевые разборки между рэперами и металлистами постоянно внедрялись панки, выступая на стороне то одной, то другой группы [Gololobov, Pilkihgton, Steinholt, 2014].

В эти годы в городских домах культуры (домах творчества, домах пионеров и проч.) начинают работать дискотеки с барами и мини-кафе. Их аудиториями становится обычная, *нормальная* городская молодежь. Постепенно набирает обороты отечественный шоу-бизнес, пионерами которого являются первые поп-группы «нового» формата («Ласковый май», «Мираж», «НА-НА», «Руки Вверх!» и др.²¹). Для них был характерен новый чувственный, эпатажный язык и откровенно сексуализированные имиджи. Аудиториями этих поп-групп, как и

²⁰ Так, например, Мадонна (ранний стиль like a virgin (1984) — кожа, пирсинг, большие кресты, «химия», более поздний frozen (1998) — готика, нуар, вампиризм), с ее заигрыванием с гендером и эпатажными играми с особыми сексуализированными имиджами, нашла своих последователей, пусть и с опозданием, в лице Натальи Ветлицкой («Но только не говори мне», 1994) или, например, Лады Дэнс («Девочка ночь», 1993) и Ирины Салтыковой («Эти глазки...», 1994). Из-за достаточно низкого уровня материально-технической базы (музыкальная техника, видео- и аудиозапись) и исполнительской культуры музыка и тексты в российском варианте выглядят более попсовыми и простыми, что не мешает сверхпопулярности как исполнителей, так и песен в этом стиле.

²¹ Группа «Ласковый май» была зарегистрирована как вокально-инструментальный ансамбль «Ласковый май» в Министерстве культуры СССР в мае 1896 г. (URL: <http://laskovyi-mai.com/istorya.html>). Группа «Мираж» была основана также в 1986 г. (URL: <http://mirage-vocal.ru/>). Группа «НА-НА» была создана знаменитым продюсером и рок-музыкантом Бари Алибасовым. «НА-НА» совершила своеобразную сексуальную революцию в России, — написано на официальной странице группы ВКонтакте (URL: <http://www.na-nax.com/>). О группе «Руки Вверх!» впервые услышали в 1995 г. (URL: <http://rukivverh.ru/about/index.htm>). Все перечисленные коллективы были популярны в 1990-х и начале нулевых, также продолжают пользоваться популярностью и в настоящее время.

везде в мире, становятся подростки и школьники. Ширится движение фанатов, масштабы которого уже тогда были сопоставимы с европейскими и американскими аналогами. Отдельная роль в переформатировании молодежного постсоветского пространства принадлежит развивающимся информационным технологиям и, пусть медленной и далеко не повсеместной, компьютеризации: от первых игровых приставок («Денди» со сменными картриджами) и пейджеров к первым сотовым телефонам. Начинают развиваться игровые провиртуальные культуры, открываются первые интернет-кафе. Яркие субкультуры привлекают к себе внимание медиа и культурных антрепренеров, эпатажные имиджи используются в массовой музыкальной молодежной культуре. Вместе с тем в ситуации стремительного роста спальных городских районов вокруг предприятий и заводов, население которых составляют в основном переселенцы из близлежащих сел и деревень, начинают активизироваться молодежные группировки, объединяющие депривированную, часто криминализированную молодежь, ориентированную на агрессивный контроль своих локальных территорий; для этих сообществ была характерна жесткая патриархальная маскулинность и куль физической силы. Участники группировок на достаточно долгое время становятся «санитарами» городов: они устраивают облавы в местах сбора и тусовок неформалов, психологически и физически борются с *субкультурщиками*, отстаивая свое право на центральные городские пространства. После скандальной публикации в «Огоньке» статьи «Любера»²² люберами стали называть молодежные группировки. Как правило, они были локализованы в местах комплексного проживания, отдаленных кварталах растущих провинциальных городов, состоящих из сельских переселенцев, или на пригородных территориях российских столиц и мегаполисов. На определенное вре-

²² Статья про бандитствующие молодежные группировки в подмосковном городе Люберцы была опубликована основателем «Коммерсанта» Владимиром Яковлевым в журнале «Огонек». Речь шла об агрессивной молодежной группе, которая специально приезжала в столицу заниматься «чисткой» города в центре Москвы на Старом Арбате. Они избивали «неформалов» и гомосексуалов, нападали на открывающиеся частные ларьки, издевались над бомжами, мигрантами, «кавказцами», выходцами из Средней Азии. Сами себя они называли «санитарами русской столицы».

мя группировки становятся ключевыми героями медийных проектов и моральных паник, появляются первые отечественные исследования этого феномена [Салагаев, 1997; Stephenson, 2001; 2015]. Кроме участников группировок (группировщиков), не менее интересными персонами для исследований и СМИ становятся так называемые гопники. Дискуссии вокруг термина (кого и по каким внешним параметрам, практикам или разделяемым смыслам можно/нужно/не нужно относить к вышеназванной категории), а также критика, касающаяся реальности существования самого феномена, не утихают до сих пор. Исследование [Пилкингтон, Омельченко и др., 2004], которое уже цитировалось в этой статье, позволило подробнее рассмотреть особенности групповых идентичностей гопников. Между ними и неформалами разворачивались не только символические, но и реальные битвы за право на город (центральные улицы, дворовые площадки, клубы и дискотеки), а также за разделяемые группами значимые ценности и смыслы идентичностей. Уже тогда ключевыми точками ценностных напряжений и конфликтов были: отношение к Западу (открытость или закрытость), гендерный режим (патриархат или гендерное равенство), культурные и музыкальные предпочтения (рок или попса и шансон). К началу тысячелетия наши исследования зафиксировали своеобразную победу гопников, которые практически вытеснили неформалов с публичных городских пространств [Омельченко, 2006]. Исследования того времени фиксируют сложные процессы переформатирования и переконфигурации, проникновения и взаимовлияния гопнических и неформальных культурных имиджей, стилей и идей. Появляются гопнические субкультуры — например, бонхеды, гламурные панки и готы, субкультурные имитаторы и буферные культуры. Субкультурные сцены фрагментируются, внутренние подгруппы отказываются от навязываемых поп-культурой имен. Начинается поиск особых, аутентичных идентичностей внутри классических субкультурных сцен: готов, скинхедов, панков, тедов.

Культурный остаток первого периода

Противостояние *продвинутых и конвенциональных* (мейстримных) молодежных формирований существовало и в советское время, од-

нако именно в этот период оно стало публичным, производя множественные социально-культурные и политические эффекты. Рождение и публичное признание субкультурного субъекта непосредственно повлияло на всю политическую молодежную повестку. Молодежные культурные пространства развиваются в контексте резких изменений всех сторон жизни российского общества.

К концу периода практически сформировались ключевые идеи политической молодежной повестки. Дискурсивные линии «работы с молодежью» стали отчасти воспроизводить позднесоветский конструкт «молодежи как социальной проблемы», в контексте которого субкультурная групповая идентичность в очередной раз начинает рассматриваться как девиантная практика, требующая усиленного контроля и регулирования. Конец столетия был отмечен ростом наркотизации в молодежной среде, когда волна передозировок затронула молодежь во многих городах России. В ряде алармистских реакций расширяющаяся вовлеченность молодежи напрямую связывалась с включенностью в субкультурные активности. Исследования, проведенные в тот период НИЦ «Регион», зафиксировали особые формы «нормализации» наркотических практик, когда использование различных веществ становится частью повседневности большинства молодежных групп и компаний. Анализ рисковых форм молодежного потребления развивался в контексте проверки и адаптации теории «нормализации» наркопрактик, как черты, присущей многим формам досуга молодежи и внутрикомпанийской коммуникации. Важность такого рода исследования определялась через преодоление моральных паник, фактически закрывающих возможность конструктивной профилактической работы [Омельченко, 2000б; 2002].

Особую роль в противоречивом развитии молодежных групповых идентичностей и культурных практик сыграл образ Запада (реальный, мифологический, символический). Происходит активное конструирование российского молодежного потребителя в его «привычном» (западном) контексте: замена/вытеснение политико-идеологических противостояний — культурными. Субкультурный капитал превращается в экономико-потребительский ресурс, в товар, продвигаемый и продаваемый наряду с другими.

С одной стороны, усиливается символическая/реальная граница между так называемой *продвинутой* (неформальной, альтернативной, субкультурной) и *нормальной* (конвенциональной, крайнее крыло — гопники) молодежью. С другой стороны, между *продвинутой* и *нормальной* культурными стратегиями формируются буферные группы, участники которых воспринимают и заимствуют различные культурные элементы и смыслы, переопределяя и комбинируя их.

Вслед за кризисом «классических» субкультурных идеологий субкультурный капитал «перераспределяется» от неформалов к гопникам, что ведет к ослаблению субкультурного присутствия на молодежных сценах. Распространение получают миксовые культурные формы, когда субкультурная фактура (прикид, сленг, телесный перформанс, культурные симпатии) находит применение как в буферных, так и в майнстримных группах. Гопники начинают вытеснять неформалов с молодежных сцен за счет использования их культурного капитала. Вместе с этим попса с «гопнической» (обывательской, патриархально-местечковой) идеологией агрессивно вторгается в субкультурные контексты, что прямо отражается на культурных симптиях клубных, особенно нестоличных, аудиторий.

К концу периода в российском обществе в целом, а не только в молодежной среде широкое распространение получают ксенофобные и гомофобные настроения, в чем находит отражение растущее неравенство населения как по уровню жизни, социальному статусу, доступу к значимым ресурсам, так и по культурным стратегиям. Определенная победа «гопнической» культурной стратегии была связана с тем, что *нормальная* молодежь выражала также интересы взрослого большинства, радикально настроенного по отношению к культурным инновациям, стремящегося в ситуации неопределенной направленности социальных трансформаций держаться за «традиционные» ценности. Самоопределение и практики гопников питались не только и не столько популяризацией криминальных образов и ценностей, сколько расширением экономической и культурной обывательской психологии, поддерживаемой продвижением рыночной стихии, «варварской» капитализацией и отсутствием «большой идеи». Вместе с тем субкультурные имиджи (например, скинхедов) привлекают майнстримную молодежь, среди которой все большее